

Всю дорогу домой семья болтала и смеялась. Чжао Бэйчуань привязал мула во дворе и вернул телегу семье Цинь.

Как только он ушёл, Тянь Эrsaо прибежала из соседнего дома: «Лу Яо, Лу Яо, дело плохо! Дамана сейчас забьют до смерти!»

Лу Яо, несший вещи в дом, был ошеломлён внезапным известием: «Эrsaо, что ты сказала?»

Тянь Эrsaо, тяжело дыша, сказала: «Я, я только что видел, как Линь Даман сражался с семьёй Сун. У него вся голова кровью залита...»

Лу Яо резко вздохнул: «Сяонянь, иди скорее и приведи своего брата. Я пойду проверю!»

Этим утром Линь Даман простился с Лу Яо и отправился в дом Сун Чаншуня за зерном. Когда он пришёл, дверь была заперта, и, взглянув на знакомый дом, Линь Даман испытал смешанные чувства.

Он прожил в этом старом доме семь лет. Когда они только поженились, семья Сун жила бедно, и семья из семи-восьми человек ютилась в трёх комнатах. Из-за его вспыльчивого нрава, который раздражал Сун Лаотай, она решила разделить семью и переехать в старый дом по соседству.

В то время старый дом был настолько обветшалым, что у него даже не было крыши, но он забрался наверх и потихоньку её отремонтировал.

Тогда он был молод и не чувствовал трудностей, какими бы тяжёлыми они ни были. Он верил, что, если они будут усердно трудиться вместе, их жизнь, в конце концов, станет лучше.

Когда родился Сяочунь, лень Сун Чаншуня начала давать о себе знать, и он проводил дни, бездельничая. Линь Даман спорил с ним, ссорился и даже прибегал к физическому насилию, но он так и не изменился; напротив, он стал ещё хуже, часто исчезая во время напряжённых сельскохозяйственных работ.

После рождения второго ребёнка Линь Даман перестал с ним спорить. Если он мог что-то сделать, он это делал; если нет, то ничего не мог поделать. Он не мог положиться на мужа и вёл себя так, словно его не существовало.

Вспоминая эти несчастные годы, Линь Даман находил всё это смешным. Ни один человек не был так бесполезен, как он, словно животное, которое не двигалось, когда его вели, и отступало, когда его толкали.

Некоторое время ожидая, и никого не дождавшись, Линь Даман направился к дому Сун Лаотая.

Как только он вошёл во двор, он услышал крики Сун Лаотай: «Плач, плач, плач! Ты что, одержим духом смерти?»

«Я хочу к своей матери, я хочу к своей матери!» — громко закричала Сун Пин. С тех пор, как он заболел, у него развилась странность: чрезмерный плач вызывал приступы кашля, настолько сильные, что он чуть не терял сознание.

Сун Лаотай, одновременно встревоженная и разгневанная, похлопала его по спине и сказала: «Твоя мать умерла, перестань думать о ней!»

«Моя мать не умерла, ты отправил её в монастырь! Злая бабушка, выпусти мою мать!»

Сун Лаотай пришла в ярость, чувствуя себя обиженной после всех своих усилий. Она дважды ударила Сун Пина, отчего тот заплакал ещё сильнее.

«Кхк». Линь Даман кашлянул, и Сун Лаотай подняла голову, и её глаза засияли при виде него.

«Даман вернулся, заходи!»

«Не нужно. Мне нужно кое-что сказать. Мы договорились, что половина зерна с поля моя. Дети ждут еды, поэтому я пришел спросить, когда Сун Чаншунь разделит зерно».

Сун Лаотай поджала губы: «Спроси второго сына. Откуда мне знать?»

«Его нет дома. Если увидишь, пожалуйста, передай ему от меня». Линь Даман закончил свои дела и повернулся, чтобы уйти.

Сун Лаотай поспешила за ним, схватив за руку. «Даман, не уходи пока. Мама хочет поговорить с тобой».

Линь Даман отдернул руку, нахмурившись. «Если хочешь что-то сказать, говори. Не трогай меня».

«Сколько Чжао Цзясяолан платит тебе за то, что ты готовишь тофу каждый день?»

«А тебе какое дело?»

«Он так много зарабатывает на тофу. Ты не завидуешь?»

Линь Даман не завидовал. Готовить тофу было ремеслом Чжао, а он лишь выполнял работу. Жить в доме Чжао и получать за это деньги было для него вполне приемлемо.

Глаза Сун Лаотай забегали. «Теперь, когда ты научился делать тофу, почему бы тебе не вернуться и не работать с Чаншунем? Вы оба сможете заработать. Это лучше, чем работать на кого-то другого!»

Линь Даман усмехнулся. «Я не могу рассчитывать на Сун Чаншуня. Боюсь, он использует эти деньги, чтобы бегать за чужими жёнами».

«Этого не произойдёт. Он изменился».

«Старые привычки трудно искоренить. Лу Яо был добр ко мне. Я никому не расскажу о способе приготовления тофу. Бросай эту затею!»

«Хмф, упрямый дурак! Перед носом такой хороший способ заработать, а о семье совсем не думаешь. Чем тебя Лу Яо так подкупил? Или ты влюбился в Чжао Бэйчуаня и готов стать наложницей в его доме?» Этот дуэт матери и сына был поистине создан из одного теста!

Линь Даман вспыхнул. «Следи за языком! Думаешь, все такие же, как твоя старшая невестка, которая не может держать руки подальше от мужчин?»

Сун Лаотай тоже разозлилась. «Чёрт! Если бы ты не позвал меня поймать их, мы бы не попали в такую переделку. Не стоило тебе позволять Чаншуню жениться на тебе!»

«Ты винишь меня в романе своего второго сына со старшей невесткой? Это просто смешно!»

Сун Лаотай схватила метлу и бросила в него. Линь Даман в ответ выхватил метлу и бросил её обратно в Сун Лаотай.

В этот момент вернулись Сун Чаншунь и его отец, увидев, как Линь Даман и Сун Лаотай дерутся. Не говоря ни слова, они схватили сельскохозяйственные орудия и набросились на Линь Дамана.

Несмотря на свою силу, Линь Даман не смог отбиться от четырёх человек. Уже скоро его лоб был рассечён, как и губа.

Шум привлек толпу зевак.

Тянь Дачжуан и жена Тянь Эр случайно проходили мимо и увидели, как Линь Дамана избивают. Они поспешили сообщить об этом Лу Яо.

*

<http://bllate.org/book/14516/1285615>